Татьяна Алпатова

«Из омута, злого и вязкого…»
Движение по вертикали в лирике О.Э.Мандельштама: типология поэтических мотивов

Когда мы говорим о творчестве О.Э.Мандельштама, речь приходится вести о мироощущении поэта-лирика, а значит – совершенно особом развертывании мысли как предельно субъективного, одномоментного и как бы «укрупненного» видения всего – в единственном, на первый взгляд, случайном впечатлении, переживании этого впечатления – лирического мотива, становящегося своеобразным сюжетом, но не событийным, т.е. развертывающимся линейно, а именно нелинейным, неэвклидовым, в котором единица равна космосу, и буквально реализуется завещание великого: «То, что находится внизу, соответствует тому, что пребывает вверху; и то, что пребывает вверху, соответствует тому, что находится внизу, чтобы осуществить чудеса единой вещи»[1]. В связи с этим лирический мотив – это прежде всего предельно обобщенная структура такого одномоментного впечатления, в частном, конкретном видении устрояющая словесный космос поэтического произведения – в данном случае взгляд «по вертикали, протягивающий одну из определяющих «осей» этого космоса – от земли к небу и обратно.

Когда я выбирала тему этого сообщения, то даже представить себе не могла, насколько она окажется важной и частой в мандельштамовской поэзии. В самом деле, не оставляет чувство, что все без исключения (или за редким исключением) стихи Мандельштама именно об этом – притом мы встречаем в них не просто вертикальную линию, которая задавала бы одно из направлений, «куда» и «как» смотреть, а именно движение – т.е. волевое, личностно важное, страстное стремление, устремленность к этой вертикали, невозможность поэтического и человеческого существования вне ее

[1] Цит. по: Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. М., 2013. С. 319.

постоянного чувства. Человек Мандельштама почти органически не может существовать в плоском, эвклидовом, горизонтальном мире, его восприятие мира – снизу вверх или сверху вниз; при этом он знает, что ощущение этой вертикали никогда не позволит застыть – либо ты движешься вверх, либо вниз; страх, усталость, головокружение, минутная слабость – и ты уже срываешься, когда, кажется, нет возврата…

Состав поэтических образов, связанных этих специфическим способом построения картины мира, у Мандельштама очень разнообразен: это и различного рода растительные метафоры (стебель, дерево, лилия и т.д.), и образы, семантически связанные с пространством «верха» (птица, ласточка, светило, облака, крылья), гораздо менее частотно – пена (то, что в мире Мандельштама соединяет водные недра с небом), тело (становящееся подобием растительной вертикали, что в данном случае на новом уровне возвращало представления о нем как о микрокосме), наконец, с «движением по вертикали» оказывается в поэтике Мандельштама связан мотив звука (музыки – слова) – того, что соединяет земной, телесно-душевный мир с духом и с Логосом. Мне вынужденно хотелось бы ограничить материал этого сообщения именно последним мотивом – притом хронологически близким 1915 году – примечательному в истории русской религиозной мысли борьбой вокруг имяславия, и соответственно, ставшим предпосылкой к формированию одного из очень продуктивных направлений собственно философской и филологической мысли – философии имени.

Именно на рубеже XIX-XX вв. проблема слова, языка и его роли в духовной жизни индивидуума и языкового коллектива, общества в целом становится определяющей для гуманитарной мысли эпохи. И если ее оформление как предмета научной рефлексии, как проблемы филологического сознания относилось ко времени становления «рефлективного традиционализма» нормативных литературных эпох[2], то в начале века XX-го происходил очень важный процесс перехода проблемы

[2]См.: Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994.

словесного выражения из сферы чистых умозрений в область самой литературы, в разнообразные сферы духовной жизни общества. Именно это позволяло, скажем, А.Ф.Лосеву, характеризуя особенности развития русской философии той поры, утверждать, что «философия имени есть узел и центр всех проблем философии; опыт имени есть опыт всей нашей жизни; в имени предмета весь предмет, вся его сила, вся его жизнь и бытие, вся его изваянность и смысл, весь его лик и явление»[3]. Такая значимость проблем имени и языка свидетельствовала о кризисных процессах: язык перестал быть константой, чем-то безусловно данным, абсолютным в своем значении оформляющих мировоззрение человека «координат». Именно в этот период в сознании все большего числа людей – не только рефлектирующих философов, но и писателей, интуитивно воспроизводящих глубоко скрытые тенденции в духовной и психической жизни человека, оформляется вопрос, ранее казавшийся бессмысленным и невозможным: «составляет ли слово нечто устойчивое в мире, или нет»[4]. Языковая «система координат» дрогнула и зашаталась – свидетельства об этом, присутствующие в художественном творчестве и филологических штудиях эпохи, неизбежно воспринимаются как предвестники гораздо более катастрофической ломки не только художественных форм искусства, но и самой жизни[5].

О значительном и плодотворном влиянии имяславия на филологическую, философскую мысль и собственно литературу первых десятилетий XX в. написано немало[6]. Среди крупнейших философов той поры, взгляды которых на энергийную, жизнетворческую природу слова как

[3] Лосев А.Ф. Имяславие и платонизм // Вопросы философии. 2002. № 9. С. 125.
[4] Флоренский П.А. Магичность слова // Флоренский П.А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 (1). М., 1999. С. 237.
[5] Ср. трактовку апокалиптического (с историософской точки зрения) значения кубизма П.Пикассо в статье С.Н.Булгакова «Труп красоты». Сам автор видел в ней отражение одного из симптомов «духовного кризиса европейского человечества», реализацией которого в дальнейшем и стала мировая война. См.: Булгаков С.Н. Труп красоты // Русская мысль. 1915. Кн. VIII. С, 90.
[6] Подробный анализ этого явления в истории русской философии и сводку литературы вопроса см.: Иоффе Д. Русская религиозная критика языка и проблема имяславия (о. Павел Флоренский, о. Сергий Булгаков, А.Ф.Лосев) // Критика и семиотика. Вып. 11. М., 2007. С. 109-172.

«самосвидетельство космоса в нашем духе, его звучание»[7] сформировались под воздействием имяславия, – П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, А.Ф.Лосев[8]. Среди писателей, увлеченных идеей имяславия, обычно называют имена , Велемира Хлебникова, А.Белого , а также и О.Э.Мандельштама [9] . Мандельштам непосредственно и сочувственно отозвался на этот спор (см. стихотворение «И поныне на Афоне…», 1915), и эти отклики изучены. Меня же интересует несколько иной аспект – собственное развертывание мотивной структуры: звук/слово как то самое движение, устремленность, взлет – от земного к небесному.

Думается, ключевым метафизическим ощущением здесь у поэта оказывается ощущение связи, и слово, как нечто связывающее по самой своей природе (звук – значение) оказывается структурно подобным этой связующей вертикали. Оно всегда движется, будучи произнесенным, оно покидает свое земное вместилище, устремляясь к высшей предшачертанной свободе:

Образ Твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
Господи, – сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,

[7] Булгаков С.Н. Философия имени. М., 1997. С. 21.
[8] См.: Гайденко П. Проблемные вопросы имяславия в работах о. Павла Флоренского и А.Ф.Лосева // http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/two/articletwo; Резниченко А.И. Философия имени: онтологический аспект (о. С.Булгаков, А.Ф.Лосев). Диссертация … канд. филос. наук. М., 1997; Стульцев А.Г. Имяславие: философско-методологическая экспликация в учении А.Ф.Лосева. Диссертация… канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2006; Протоиерей Д. Лескин. Метафизика слова и имени в русской религиозно-философской мысли. СПб., 2008 и др.
[9] См.: Паперно И. О природе поэтического слова. Богословские источники спора Мандельштама с символизмом // Литературное обозрение. 1991. № 1; Роднянская И.Б. Свободно блуждающее слово. К философии и поэтике семантического сдвига // Литературоведение как литература. М., 2004; Сурат И.З. Превращения имени // Новый мир. 2—4. № 9; Иоффе Д. Лики тишины. Новейшая история русского экспериментального стихопроизводства sub specie hesychiae: три схематически взятые поэтики умного делания // Russian Literature. Vol. LVIII-LVIII/LIV. Amsterdam, 2005; Кравец В. О хлебниковской «философии имени» // Name und Person. München, 2006; Традиции и проблемы имяславия: сборник материалов научно-практической конференции / под ред. В.П.Океанского. Иваново – Шуя, 2009 и др.

Вылетело из моей груди.

Впереди густой туман клубится

И пустая клетка позади.